

Самая
страшная
книга

2015

Москва
АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
С17

Серия «Самая страшная книга»
Серийное оформление: *Юлия Межова*

В оформлении обложки использована иллюстрация
Владимира Гусакова

В книге использованы иллюстрации *Игоря Авильченко*

Макет подготовлен редакцией АСТРЕЛЬ СПб

С17 **Самая** страшная книга 2015: Сборник рассказов.—
Москва: АСТ, 2015.— 510, [1] с.— (Самая страшная книга).

ISBN 978-5-17-088634-0

Еще больше. Еще лучше. Еще страшнее.

Каждая антология проекта «Самая страшная книга» — уникальна.

Каждый том предлагает читателю знакомство с жанром ужасов во всем его современном многоцветии.

Если вы не читали «Самую страшную книгу», значит, вы не знаете русского хоррора.

Традиционно пугающие сюжеты, места, образы — и новые находки в извечном царстве кошмаров. Истории, способные вызвать дрожь.

Эти рассказы отбирали не «всеведущие знатоки», а обычные читатели — разного пола, возраста, с разными вкусами и предпочтениями. Из четырех сотен произведений на этот раз было выбрано двадцать пять.

Самых лучших. Самых интересных. Самых страшных.

Подписано в печать 26.11.14.

Формат 84 × 108 1/32. Усл. печ. л. 26,88.

Тираж 3000 экз. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

© Авторы, текст, 20015

© М. С. Парфенов, составление, 2015

© В. Гусаков, иллюстрация, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

Несколько слов о страхе (вместо предисловия)

Дьявол меня подери, когда в 2011 году мы с друзьями и коллегами задумывали (еще не имевшую на тот момент никакого официального наименования) антологию русского хоррора, мы, конечно, надеялись на успех своего начинания... Но даже в самых смелых мечтах не предполагали, что успех этот будет настолько крупным! По правде говоря, лично я вообще боялся, что дело кончится громким провалом. «Кому он нужен, русский хоррор?» – твердил хор «знатоков». «Вредная, опасная литература, которую следует запретить!» – высказывались «рецензенты». «Вам еще расти и расти...» – вздыхали «доброжелатели».

В итоге первый тираж «Самой страшной книги 2014», поступив в магазины в конце февраля, разошелся с такой скоростью, что уже весной издатель потребовал: начинайте работать над следующим томом.

Когда восторги унялись, пришло понимание: читатели, купившие ССК 2014, во многом выложили свои кровью и потом заработанные «авансом». Впредь они будут требовать от нас большего. ССК 2015 обязана стать больше, лучше и главное – страшнее своей предшественницы.

А ведь времени на подготовку на сей раз было в обрез. Прошло три года, прежде чем идея «а почему бы не дать самим читателям выбрать рассказы, которые войдут в сборник?» обросла текстами и облеклась в темную обложку с надписью «Самая страшная книга 2014». Теперь же у нас были считанные месяцы на то, чтобы собрать читательскую таргет-группу и рассказы, прочитать их, провести голосование и скомпоновать по его итогам новый том – больше, лучше и страшнее, да-да.

По счастью, первая книга «громыкнула» так, что у нас не было отбоя от желающих поучаствовать в создании «сиквела», что среди авторов, что среди читате-

лей. И в итоге, как мне кажется, мы справились, и ССК 2015 действительно удалась на славу. Вновь болезненное ожидание, вновь опасения — а вдруг не понравится? А вдруг ощущение, что второй том вышел в разы лучше первого — всего лишь иллюзия, самообман?..

Мы, любители хоррора, вообще такие — одновременно и пугливые, и смелые. Мы боимся смотреть фильмы ужасов и читать рассказы в жанре хоррор, но все равно делаем это. Мы страшимся неудач, но все-таки идем вперед выбранной нами дорогой. Мы — циники и пессимисты, но всяк из нас в глубине души — романтик и мечтатель, не так ли?

Мы любим свои страхи. А страхи у нас очень разные.

У каждого есть друг-идиот, что скорчит рожу и испортит симпатичное коллективное фото. А еще каждый из нас хотя бы раз в жизни встречал человека, который говорил о нашей любимой книжке или фильме, о чем-то, что дарило нам бездну сладостного страха: «Да какие же это ужасы? Не страшно ж совсем!»

В аду для таких ребят выделено отдельное местечко, не иначе.

Вы задумывались когда-нибудь над тем, что такое Страх? Насколько многогранна и разнообразна эта эмоция? Сколь изменчивы, индивидуальны людские страхи?.. В этом вся штука — то, что пугает одних людей, совсем не пугает других. В детстве я боялся заглянуть под кровать, потому что там обитали монстры из ночных кошмаров. Сейчас я не рискую совать туда нос, чтобы не утонуть в пыли и грязных носках.

Беря эту книгу в руки, вы, возможно, опасаетесь, что в ней не найдется ничего пугающего. Я бы на вашем месте опасался. Но хочу вас уверить, что этот страх — беспочвенен. Эта книга «самая страшная» потому, что в ней собраны страхи самого разного рода. Все, что вам остается — побороть свои собственные фобии и приступить к чтению.

*Парфенов М. С., автор идеи,
организатор проекта «Самая страшная книга»*

Владислав Женеvский

НИКОГДА

Земля засыпает. Утром она умылась росой, но влага давно ушла: день был жаркий. Сладкая дрема слышится в стрекоте сверчков. Пчелы уже сложили крыльышки в своих медовых домиках и видят пряные сны. Ветерок на ощупь пробирается среди высоких трав, иссушенных летним небом. А оно покрывается румянцем, точно устыдившись дневных дел – ведь сегодня оно раздевало детей и стариков, юношей и девушек, мешало работать и напитокывало души ленцой.

Близится закат, и краски сгущаются. Лютики набухли золотом, розовый клевер уже алеет. Дыхание остывающей земли все ровнее и тише. Но здесь, на ничейном холме, где иногда пасутся коровы, ее тревожат чьи-то шаги. Идут двое: мужчина и девочка лет пяти. Оба одеты бедно, в бесцветные рубахи. У взрослого, кажется, и кожа сливается с тканью. Он погрузился в думы и еле слышно что-то бормочет. Грубой лапшей он сжимает ручонку дочери, и малышке волей-неволей приходится за ним поспевать.

Нехоженая тропка бежит куда-то вперед, к темной гребенке леса. До нее еще далеко. Девчушкины глазенки – огромные, любопытные – блестят малахитом. Она озирается по сторонам, смотрит поверх трав на запад – там тонет багряное солнце. Раздвинуть бы стебли, потрогать бы яркий шарик! Горячим он окажется или холодным?.. Отец тянет за собой и не дает как следует подумать. На лицо его легла тень – девочке немного страшно. Она редко бывает вдали от дома, среди безлюдных холмов.

Но беспокойство развеивается в вечернем воздухе, и с каждым вдохом ей все больше хочется жить.

Городского садовника не любили. Кое-кто в Герцбурге поговаривал, что можно было бы и вовсе обойтись без него. «Хлопот от него куда больше, чем пользы,— ворчали люди.— В старом Христофе столько желчи, что для крови, верно, и места не остается. Попомните наше слово: как преставится, вскроют его — и внутри все желто будет! Да и годится ли это, что какой-то холопский сын от порядочных людей нос воротит?!» Другие возражали: «Ну и что с того, что характер не сахар! Мы тут все не серафимы. Он цветы растит — на зависть. Пусть и дальше растит, а мы уж потерпим как-нибудь. Хочет жить наособицу — так что ж, не наша это забота». Первые ворчали, но соглашались. Саду Христофа и вправду не было равных. Розы — рдяные, янтарные, лазурные — взрывались фонтанами лепестков. Изящные лилии могли бы венчать и королевское чело. У Христофа росли ирисы, гладиолусы, нарциссы, георгины; где-то в оранжереях таились волшебные орхидеи. Лучшие лавки Герцбурга и соседних городов боролись за его цветы, дворяне закладывали имения, чтобы подарить возлюбленным эту хрупкую красоту.

Старый садовник держал приходящих работников, платил которым довольно прилично. Но и требовал многого. Христофа раздражает шум — так извольте отложить разговоры до вечера; Христоф не в настроении — будьте так любезны, не путайтесь у него под ногами; хотите денег — работайте, пока кожа с рук не сойдет.

Сад располагался на западной окраине города, над обрывом. С этой стороны тянулись остатки древних укреплений; стены вдоль улиц возвели несколько десятилетий назад. За зубцами ограды вставали старые деревья, погружая мостовую в тень,— здесь всегда было прохладно. Горожане гадали, зачем упрятивать цветы за толстый камень, как в темницу, и заглядывает ли внутрь солнце.

Христоф не пускал в сад посторонних. За редким исключением товар развозили по лавкам его помощники, почти такие же угрюмые, как хозяин. Разговаривали

они неохотно и мало, будто скрывая какую-то тайну. Сад будоражил воображение герцбургцев помоложе; родители тщетно убеждали их, что никакой тайны нет.

И это было правдой. За решетчатыми воротами Христоф укрывался от людей — и только. В юные годы ему, крестьянскому сыну, привелось перенести немало унижений. Хозяева, бюргеры и знать, в ту пору ставили цветовода не выше дрессированной собаки. Но кропотливым трудом Христоф завоевывал себе положение. Накопив немного денег, он завел в окрестностях Герцбурга собственный садик, вывел три сорта дорогих лилий — и разбогател. С достатком пришло уважение, и в сорок лет ему вверили городской сад, где он водворился полновластно. Он выгнал всех трутней, закрыл вход для праздношатаев и наладил все так, что сад стал славой Герцбурга.

Домик его стоял в глубине сада. Христоф выходил нечасто, по делам и в церковь. Раз в месяц он пешком отправлялся за город — за образцами для скрещивания, во всем же прочем жил отшельником и людям не докучал.

И все же садовника не любили. Едва сутулая фигура показывалась из-за угла, знакомые с Христофом переходили на противоположную сторону. Он стучал черной тростью по булыжнику мостовой — не стучал даже, а колотил, что вызывало мигрень у пожилых дам. Шел он, не считаясь с другими прохожими. Случалось, наконецник трости ударял по чьей-нибудь ноге. Пострадавший возмущенно требовал извинений; Христоф, ухмыляясь, фыркал из-под пышных усов: «Не извольте сердчать, любезный господин!» Любезный господин почему-то чувствовал себя неуютно и больше со стариком уже не связывался.

Он ни с кем не здоровался — даже с мэром. Однажды мэр оскорбился и послал садовнику гневное письмо. Тот в ответ сослался на слабое зрение. И точно, улочки в Герцбурге были узкими и темными — стариковские глаза могли и не угледеть кого-то в густой тени. Мэра объяснение удовлетворило, но приказчики лавок только качали головами. От взора Христофа не

ускользало ничего — ни мелкая монетка, ни приписка мелким почерком в договоре.

В церкви садовник садился всегда на одно и то же место, презрев всякую иерархию и манеры. От него отсаживались на почтительное расстояние, якобы из-за терпкого запаха удобрений. Пастор, напротив, его уважал: проповедь проходила в тишине и порядке, если этот скромный прихожанин сидел на своей скамье. Он не шикал; хватало одного взгляда из-под косматых бровей, чтобы болтун осекся. Родители наделили Христофа могучим телосложением, мрачным лицом и крепкими кулаками. Все это он сохранил до старости, и лезть на рожон не хотелось никому.

Новые в городе люди звали его на приемы — и не получали даже формального отказа. Иные негодовали и грозили сжить садовника со свету, но вскоре остывали: уж такой был человек. И негодование совсем утихло, когда узнавали о его происхождении.

Христофа не любили, но с ним мирились, и ему не перечили... пока в Герцбурге не появился новый почтмейстер.

Одним воскресным утром садовник явился, как обычно, в церковь. Был жаркий день, и в плотном костюме он изрядно взопрел. Служба еще не началась. Шагая между рядами, старик отирал платком пот со лба. Когда он подошел к своей скамье, та оказалась занята. Какой-то тучный господин восседал на его, Христофа, законном месте и очевидно страдал от зноя и скуки. Серый сюртук вздувался на круглых плечах; казалось, он вот-вот лопнет. По плешивой голове обильно — будто она таяла — текли крупные капли.

Христоф сказал:

— Будьте так любезны освободить мою скамью.

Толстяк с трудом повернул голову и пробубнил:

— Да-да, конечно, я подвинусь. Прошу меня извинить.

Христоф процедил:

— Я никого не просил *подвигаться*. Я просил *освободить мою скамью*.

Тучный господин его будто и не слышал. Точно громадный слизень, он медленно пополз вправо, пока из-под обширного зада не выпростался кусочек скамьи.

— Пожалуйте, — улыбнулся он. — Я новый почтмейстер, Йохан Шпатенверфер. С кем имею честь беседовать?

Садовник затрясся от злости. Трость застучала по мрамору, как дятел по дубу, потом заходила в руках и вдруг взлетела. Удар обрушился на спинку соседней скамьи, но бывший охотнее направил бы его на голову почтмейстера. Тот в изумлении разинул рот.

На кафедре возник пастор, сияющий ослепительней церковных стен.

— Братья и сестры!.. — начал было он, но, увидев быстро удаляющуюся спину Христофа, запнулся.

Происшествие обсуждали несколько дней. Почтмейстер оказался человеком незлобивым и сам заступался за вспылчивого старика.

А тот ненавидел — люто, до безумия. В улыбке толстяка он усмотрел насмешку. Рассудок затопили гнетущие воспоминания. Вот такой же ухмылкой Христофа ставили тогда на место. Над ним забавлялись и ради пущей остроты притворялись, будто он среди равных. Но это было, как и сейчас, единственно для виду. Чего бы он ни достиг, для них он остается чумазым крестьянским сынком, который имел наглость из деревенской глуши перебраться в Герцбург.

Переживания не сказались на искусстве Христофа: его цветы по-прежнему околдовывали людей. Но жизнь стала для садовника невыносимой. Он почти не выходил за пределы сада: боялся, что снова осмеют.

И тогда он решил убить почтмейстера. Сидя лунными ночами на скамеечке перед домом, Христоф перебирал в памяти всевозможные способы умерщвления. Однако все представлялись или недостаточно жестокими или слишком опасными для него самого. А он не желал гибнуть из-за «жирной свиньи» — предмета своей ненависти.

Христоф смотрел на луну, луна взирала на Христофа. Ночи приходили и уходили, а он так ничего и не придумал.

II

Одним летним утром садовник беззвучно отворил и тут же закрыл калитку в воротах. Как никогда, он не хотел привлекать внимания. Христоф вдохнул — как бы неохотно — прохладного воздуха и двинулся прочь. Он держался тени и в своей скромной робе, с холщовым мешком на плече, был совсем неприметным. Герцбург спал, из некоторых окон еще доносился трубный храп.

Небо над двускатными крышами ширилось и выцветало.

Сутулый гигант выбирал переулки потемнее. Если какая-нибудь ранняя пташка и видела его, то принимала за обыкновенного работника, идущего по своим немудреным делам.

Почтмейстерский дом стоял в начале Гранитной аллеи. Христоф окинул его сумрачным взором, не задерживая шагов. Через высоченную дверь жирная свинья выползала из своего хлева. Но садовник поклялся, что наступит день, когда этого не случится.

Особенных причин для спешки не было, и все же шел он ходко, почти стремительно. Когда солнце окончательно утвердилось где-то среди фарфоровых облаков, Герцбург уже остался у него за спиной. В западном направлении ходили и ездили нечасто: колея тракта еле угадывалась. Путник вскоре свернул с нее налево и затерялся среди изумрудных взгорий.

Ему сообщили, что милях в семи от города появился необычный цветок. Судя по описанию, это был редкий вид адониса, за которым садовник безуспешно охотился много лет. Он не стал посылать помощников: тут нужен был опытный глаз. Да и ноги размять хотелось — подальше от душного города.

Переваливая с пригорка на пригорок, старик потихоньку успокаивался. Все здесь наполнилось безмятежностью. Чуть поодаль возвышался лес, и сквозь благоухание луга пробивался его строгий аромат. Солнце пекло.

Иногда садовник сходил с тропинки (ведомой ему одному), чтобы рассмотреть какое-нибудь затейливое

растеньице. В траве шныряла всякая мелочь, в воздухе жужжали шмели и стрекозы. Старый цветовод нежно касался миниатюрных лепестков и думал, что они лапчатся к нему, как котята. Блаженное одиночество, знакомое с детства, растягивало окостенелые губы в улыбку.

Но тут же вспоминался почтмейстер. Христоф мрачнел и продолжал свой путь. Ему легчало.

Тропинка разбилась об опушку, и старик вступил под ветвистые своды. Здесь было душно и шумно. Под ногами трещал валежник; местами он лежал так плотно, что молодая поросль едва угадывалась.

Приступы учащались. Он жалел, что не взял с собой трость: молотил бы ею по пухлым ржавым грибам, чтоб хоть как-то выпустить злобу.

Напомнил о себе голод. Старик на ходу рвал припасенный ломоть хлеба и вгрызался в мякиш, как борзая в зайца.

Вскоре он вышел на полянку, где, как ему сообщили, и видели тот адонис. Садовник излазил всю прогалину на четвереньках и нашел-таки желтый цветок. Здесь, на западе от Герцбурга, он и в самом деле встречался редко. Но среди обитателей восточных деревень считался сорняком. Это был другой вид, и день пропал зря.

Христоф взбесился и принялся втаптывать цветок в землю, почему-то обвиняя во всем почтмейстера. От растения не осталось и следа, но башмак бил снова и снова, как молот судьбы.

Идти прежней дорогой было неважно; садовник пошел напролом, через чащу, и скоро уже продирался сквозь густой подлесок. Кустарник все норовил исцарапать его; в отместку старик ломал гибкие ветви: силы у него доставало.

Внезапно где-то справа пронзительно пискнула мышь. В тоненьком голоске звучала почти человеческая боль — и нечеловеческий ужас. Истошный верезг ворвался в мысли Христофа, и тот неожиданно для себя похолодел.

Лес здесь заканчивался, впереди расстился луг. Над ним вставало небо, затянутое белесой пеленой. Солнце куда-то запропастилось.

Грызун все пицал. Слышалось еще шуршание: видно, мучитель мыши был существом беспокойным. Садовник, оправившись от испуга, хотел уже идти дальше. Звериные дела его не касались: и одной свиньи хватало с избытком. Однако выиграло крестьянское любопытство; старик тихонько раздвинул кусты и нагнулся, напрягая глаза.

Мышь агонизировала. Хвостик бешено дергался, будто вся жизнь, отпущенная зверьку, скопилась в этой ниточке плоти. Но крохотное сердце уже замирало, выплевывая последние капли крови. Та стремилась к своему настоящему источнику — земле, и алые паутинки терялись где-то в траве.

А из травы бессмысленно торчала пухлая детская ручонка. Она никому не принадлежала: там, где полагось быть локтю, начиналась земля. Ручонка качалась взад и вперед, лениво вращая кистью. Нежные пальчики комкали мышшь, как бумажку, с чудовищной силой. Кожа, девственно-белая, покрылась кровавым узором.

Возле гнили трупики других мышей, землероек, птичек и пауков. Стоял легкий душок.

Внутри Христофа что-то заметалось, моля бежать, прятаться, звать на помощь. Этот жалобный голос был ему чужд, садовник никогда прежде его не слышал. А услышав сейчас — не прислушался. Такая жуть сквозила в этом плавном движении, что взгляда он отвести не мог.

Мышь наконец издохла. Белый кулачок разжался и превратился в ладошку, отбросив комок падали. В тиши шорох казался оглушительным. Ручонка колыхалась, словно махая кому-то вслед.

Рассудок старика прояснился. Перед ним было нечто противное природе и человеку. «Все в мире для чего-то нужно, — думал он, — кроме этого. Оно существует для того только, чтобы хватать, мять, кромсать — и опять хватать. Бог такого не потерпел бы, это выдумка дьявола. Нелепый каприз, способный на одно лишь убийство».

И тут Христофа осенило. Он торопливо скинул со спины мешок, который незаметно успел налиться тя-

жестью, и достал из него небольшую лопатку. Дело предстояло нелегкое, но оно того стоило.

Прежде чем начать, он осмотрелся. По-прежнему все купалось в тишине, только солнце вернулось на небосвод, да холмы сияли зеленью. Тогда старик обломал ветки кустов, чтобы освободить место для работы, и принялся осторожно окапывать ручонку. Та часто, как собачий хвост, задергалась.

Дерн попался жесткий, но старому садовнику было не привыкать. Он не знал, глубоко ли надо копать, и время от времени пробовал корень штыком. Когда металл прорезал мягкую землю, Христоф удовлетворенно кивнул. Вышло легче, чем он опасался. Оставалось лишь пройтись разок по окружности.

Бдительности он не терял ни на миг. Ручонка, как ни силилась, не могла до него дотянуться. Старик подбадривал ее: «Не бойся, милая, дурного тебе не сделаю. Красавица моя, потерпи...»

Теперь предстояло самое трудное. Он коротко глянул на небо. То уже начинало смуглеть. Солнце наливалось рыжиной. С такой ношей совсем не годилось возвращаться в ночную пору, и старик заторопился.

Он порадовался, что взял большой мешок. Расстелив его на земле отверстием кверху, Христоф поддел лопаткой высвобожденный ком. Держать его на весу было опасно, но старик не мог не залюбоваться нелепым зрелищем, самым странным саженцем, какой ему доводилось видеть. Ручонка угрожающе шевелила пальцами. Бережно опустив ком в мешок, он черенком приподнял один край ткани и набросил сверху, затем то же проделал с другой стороны.

«Вот уж не ведал, что цветочка напугаюсь», — ворчал про себя Христоф, затягивая тесемки. Грубая мешковина была не так толста, чтобы избавить его от тревоги.

Он чуть отступил, чтобы поглядеть, что получилось, и остался доволен: мешок как мешок, мало ли таких.

С лопаткой в одной руке, с мешком в другой садовник пустился в обратный путь. Рыжее светило валилось за горизонт, утягивая за собой день со всеми его

звуками. Травы мрачнели, тропинка растворялась в сумерках.

То и дело приходилось проверять мешок. Копашение внутри не утихало ни на миг. Садовник холодел — и все же посмеивался себе в усы. Он вспомнил, как мальчиком носил матери цветы. Он спускался в самые глубокие балки, где даже в знойные месяцы не засыхала грязь; протискивался в укромные расщелины, чтобы вскарабкаться на скалу и оказаться среди лугов, ведомых лишь небу и птицам; он кружил часами по чащобам, меж россыпей звериных следов; забирался в топи, медля перед каждым шагом и боясь оступиться, — и неизменно возвращался с букетом, которому все дивились. В их семье не знали подарка дороже.

Вот и в этот летний день Христоф выискал в глуши нечто особенное.

«Уж свиные-то она придется по душе», — подумал он. И тогда солнце рухнуло.

III

Он вошел в город вместе с темнотой. Ночной Герцбург был шумней и ярче дневного. У каждого фонаря, как разомлевшие от нектара мотыльки, вились продажные женщины и пьяные мужчины. Гудели кабаки.

Христоф искусно обходил все ловушки, едва их замечая, и вскоре был у ворот сада. Привратник дремал в своей будочке. Садовник не стал его будить. Опасливо озираясь, он без фонаря прошел в дальний угол сада, где находилась его личная оранжерея. Ночь превратила прозрачную призму в угрюмый склеп. За толстым ее стеклом дремали самые редкие и капризные цветы. Луна, если выползала из-за небесных хребтов, бросала на оранжерею быстрый взгляд, но не могла ничего рассмотреть и в раздражении удалялась.

Старик опустил свою ношу наземь и стоял в раздумьях. Возиться впотьмах было слишком опасно, ждать до утра — невысказано. Он ведь ничего, ничего не знал об этом растении! Что питало его корни?

Оно могло погибнуть до рассвета. Из мешка и так уже не доносилось никаких звуков.

И он решил работать тут же, ночью. Сходил за фонарем и зажег его, но приглушил свет тряпкой. Внутри оранжереи, в душных потемках, разрыхлил клочок жирной почвы и вышел за саженцем с лопаткой наготове.

Он намеревался развязать тесемки, но этого не понадобилось.

Что-то светлое метнулось из мешка и вцепилось ему в голень крепкой, бульдожьей хваткой. Боль брызнула в голову жгучей струей. Старик охнул и ударил, не целясь, лопатой. Затрещали чьи-то кости; садовник мгновенно потерял равновесие и упал навзничь. Брыкаясь, взметывая ладонями землю, он отполз, и луна, будто в зеркало, смотрела в его побелевшее лицо.

Ошеломленный, он не сразу пришел в чувство. Нападение застало его врасплох: смерть из мешка предназначалась другому.

Он приподнялся на локтях. Ногу ломило страшно.

Ручонка плясала в серебристом лунном свете, словно крестьяночка на празднике урожая — далеко выбрасывая пальцы, неистово изгибаясь, вивясь полоской алебастровой плоти. Эта танцовщица не потела, не шелестела юбками. Христоф видел каждую линию на детской коже, и ему мерещилась улыбка идиота.

«А подарочек-то подороже будет, чем я думал», — пробормотал он, опомнившись.

Голень распухла, но, прежде чем заняться ею, старик прохромал в сарайчик за прозрачным колпаком, о котором вспомнил только сейчас, и набросил его на ручонку. Та яростно забила о стекло. Христоф заспешил: два пальчика, перебитые лопатой, и так уже не двигались.

Теперь он работал осторожнее, и повозиться пришлось изрядно. Но когда забрезжила утренняя заря, садовник спал тяжелым сном в своем домике, а саженец ворочался в новой почве — среди орхидей и глициний. Никто бы его там не нашел: подмастерьям в оранжерею ходу не было.